МОДАЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖАНРА / MODALITY THROUGH GENRE PRISM

Модальность в текстах газеты «Ведомости» времени Петра Великого: коммуникативно-прагматический аспект

И. Ю. Кукса

Peter the Great Era "Vedomosti" newspaper modality: communicative-pragmatic aspect

I. Yu. Kuksa

Ирина Юрьевна Кукса – кандидат филологических наук, доцент; Западный филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Калининград, Российская Федерация

E-mail: kuksa-iy@ranepa.ru

Irina Yu. Kuksa – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Kaliningrad, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7177-6541

Статья поступила: 24.01.2026. Принята к печати: 11.03.2026.

Received: 24.01.2026. Accepted for publication: 11.03.2026.

В статье на диахроническом материале первой печатной отечественной газеты «Ведомости» времени Петра Великого рассматриваются основные характеристики категории модальности в рамках функционально-семантического и коммуникативно-прагматического подходов. Кратко представлена историческая характеристика первого печатного повременного издания как социокультурного феномена. Квалифицируются основные коммуникативные параметры первой газеты: цель, коммуникативные задачи, особенности субъектов коммуникации (адресанта и адресата), источников информации и сообщения новостной информации в условиях зарождения отечественной журналистики и периодической печати. Определяется значение категории модальности и совокупности средств ее выражения для реализации основных задач газетного текста периода становления отечественной периодики. Характеризуется взаимодействие в газетном дискурсе содержательно-структурных компонентов категории языковой модальности, таких, как объективная и субъективная модальность, подчеркивается важность субъективной модальности для газетного текста, а также нелинейный многомерный характер взаимоотношений разных модальных пластов и средств выражения. Определяется коммуникативная позиция автора газетного текста и модальные средства ее репрезентации, в частности, средства выражения субъективно-модальных смыслов уверенности / неуверенности, достоверности, а также дополнительных оттенков (польза, необходимость, важность и др.). На основании анализа языковых фактов выявляются и описываются типовые коммуникативные ситуации, в которых наиболее очевидны проницаемость модальных рамок, взаимодействие разноуровневых модальных средств, которые обеспечивают реализацию коммуникативных задач. Подчеркивается

Drawing on diachronic material from the first domestic printed newspaper *Vedomosti* during the Peter the Great era, this article examines the main characteristics of the modality category within functional-semantic and communicative-pragmatic frameworks. A brief historical characterization of the first printed periodical as a sociocultural phenomenon is presented. The primary communicative parameters of the first newspaper are qualified: its purpose, communicative tasks, features of communication subjects (addresser and addressee), information sources, and news reporting under the conditions of emerging domestic journalism and periodical press. The significance of the modality category and its expression means for realizing the main tasks of newspaper texts during the formative period of domestic periodicals is determined. The interaction of content-structural components of the linguistic modality category in newspaper discourse, such as objective and subjective modality, is characterized. The importance of subjective modality for newspaper texts is emphasized, along with the non-linear, multidimensional nature of relationships between different modal layers and expression means. The communicative position of the newspaper text author and the modal means of its representation are defined, specifically the means of expressing subjective-modal meanings of certainty/uncertainty, reliability, and additional nuances (benefit, necessity, importance, etc.). Based on linguistic fact analysis, typical communicative situations are identified and described where the permeability of modal frameworks and the interaction of multi-level modal means ensuring communicative task realization are most evident. The evident resolution of two main journalism tasks in the texts of the first domestic printed newspaper is emphasized: informing about the "state of affairs" and shaping a worldview and attitude towards reality.

очевидность решения в текстах первой отечественной печатной газеты двух основных задач журналистики: информировать о «положении дел» и формировать картину мира, отношение к действительности.

Ключевые слова: диахрония, коммуникативно-прагматический аспект модальности, субъективно-модальные значения, газетный текст

Keywords: diachrony, communicative-pragmatic modality aspect, subjective-modal meanings, newspaper text

УДК 070.1:81-112

OECD: 5.08EU+6.02.OY

Постановка проблемы. Ключевая коммуникативная задача автора газетного текста, как известно, – не только отражение действительности, но и формирование мировоззренческой позиции, что является актуальным уже в период зарождения и становления отечественной газетной периодики, – достаточно вспомнить цели и роль Петра I при создании первой отечественной печатной газеты. В соответствии с такой задачей автор газетного текста отбирает адекватные для ее решения языковые средства, в числе которых оказываются и репрезентанты категории модальности.

Еще один немаловажный для газетной периодики аспект – выражение позиции автора. Его интенция во многом определяется намерением представить «положение дел» (информировать о факте, событии, явлении), порой не только с точки зрения временно́го фактора (было, есть или будет) и реальности / ирреальности, но и с точки зрения необходимости / желательности его реализации, уверенности / неуверенности, достоверности, пользы и пр., что актуализирует в числе прочего и соответствующие субъективно-модальные значения.

При рассмотрении модальной палитры газетного текста становится очевидной диффузность и проницаемость границ между объективной и субъективной модальностью, что последовательно подчеркивается учеными-лингвистами (см., например, об этом: [Валгина 2003; Ваулина, 2013; Ваулина, Пробст, 2012; Ваулина и др., 2018; Кукса, 2019, 2021] и др.).

В связи с этим функционально-семантический аспект изучения категории языковой модальности продолжает находиться в центре исследовательского внимания, а коммуникативно-прагматический аспект ее описания особенно актуализируется при рассмотрении газетного текста. При этом диахронический подход позволяет выявить и охарактеризовать закономерности функционирования в речи средств выражения модальности как ключевой языковой категории с учетом миропонимания той или иной эпохи, а также показать причину теоретически неоднозначных трактовок структурно-содержательной природы модальности в лингвистике и отразить глубину ее межкатегориальных отношений (см. об этом подробнее: [Ваулина и др., 2018]). Между тем научных работ, выполненных в этом плане, не так много (уместно упомянуть в этом смысле калининградскую научную школу модальности, которую несколько десятков лет возглавляла профессор, доктор филологических наук С. С. Ваулина) по сравнению с исследованиями модальности и средств ее репрезентации на материале современного русского языка.

История вопроса. Как известно, первая отечественная газета была «вызвана к жизни» эпохой Петра I – временем глубинных перемен и серьезных реформ.

Значимая роль «Ведомостей времени Петра Великого» в социокультурном пространстве государства обусловлена несколькими обстоятельствами.

Во-первых, цель создания первого печатного повременного издания, которая определена самим государем в его Указе от 16 декабря 1702 г.: «для извещения о заграничных и внутренних происшествиях» [Подгорелов, 1903, с. II], который при этом оказался не только инициатором издания газеты, но и ее идеологическим демиургом, редактором и даже автором, порой собственноручно отбирая, исправляя и создавая материалы. Газета стала «зеркалом действительности», свидетельством порой противоречивых преобразований во всех сферах жизнедеятельности общества в условиях формирования нации и мощного государства. В ней фиксировались, в частности, новости «о развитии флота, о расширении русской торговли, об открытии новых всякого рода заводов и других событиях русской жизни, с другой стороны, о явлениях политической и народной жизни европейских стран: войнах, бедствиях, а также о метеорологических и тому подобных явлениях» [Подгорелов, 1903, с. II]. В силу этого «Ведомости» преимущественно традиционно характеризуются в истории отечественной журналистики как издание официально-казенного и информационного типа.

Во-вторых, для царя-реформатора газета была «могучим орудием», «которое представляет необходимое звено в цепи его преобразований» [Подгорелов, 1903, с. I], то есть не только средством донесения актуальной информации, но и одним из способов формирования общественного мнения в пользу реформ, государственности, действий государя и пр. (в том числе – и путем отбора фактов): «Для большего успеха своих преобразований Петр Великий считал необходимым ввести руководившие им идеи в народное сознание и вместе с тем познакомить русское общество с западно-европейской жизнью, втянуть в нее» [Подгорелов, 1903, с. I–II]. Поэтому, являясь газетой новостей, вместе с тем «Ведомости» играли роль в выполнении социальных и политических задач по разъяснению и пропаганде достижений внутренней и внешней политики государства, петровских преобразований.

Такую специфику «Ведомостей» по сравнению с европейскими первыми повременными изданиями отмечает, например, Б. Есин, определяя ее государственный общенациональный характер и способность быть не только «простым листком для публикаций известий», но и «носителем и руководителем общественного мнения» [Есин, 1971, с. 10–11]. Такую точку зрения поддерживает в своих работах А. Тощев, по мнению которого исследователи, «даже безапелляционно причисляющие «Ведомости» к чисто информационному органу, помимо своего желания утверждают наличие в газете и некоторой публицистичности, ведь письма писали конкретные люди и отправляли их конкретным лицам» [Тощев, 1989, с. 190].

Таким образом, уже в первой печатной отечественной газете нашли отражение две главные задачи журналистики – информировать и оказывать воздействие, разъясняя, просвещая. Реализуя функцию «пропагандиста и организатора» петровских реформ, газета являлась одним из способов убеждения общества в силе и мощи государства.

В свою очередь, значимый вклад в выполнение этих стратегически и тактически важных задач вносит категория модальности с учетом ее функционально-семантического и коммуникативно-прагматического потенциала. Антропоцентрический фокус

современного языкознания с его пристальным отношением к человеческому фактору как важному экстралингвистическому компоненту языковых преобразований, определяет интерес к модальности в текстовом и коммуникативном аспектах. Обращение же к газетному тексту в этом смысле закономерно, поскольку газетный дискурс не только отражает актуальные факты и явления действительности, но и оперативно фиксирует изменения в языковой картине мира, тем самым представляя собой обширную базу для изучения коммуникативного аспекта языка в целом и модальности, в частности.

Важно и то, что в истории русского языка период Петровских ведомостей (первая четверть XVIII в.) считается начальным этапом зарождения национального языка, в котором начавшиеся ранее изменения (такие, как, например, сближение литературного языка с разговорным, сужение сферы распространения книжно-славянского типа литературного языка, зарождение и распространение жанров публицистики и др.) продолжают осуществляться в еще большем эволюционном масштабе.

В настоящее время исследовательский подход по анализу коммуникативно-прагматического аспекта модальности на материале газетных текстов нашел отражение в серьезном количестве научных работ (см., например: [Демидова, 2005; Солганик, 2010; Клушина, 2008; Ткаченко, 2011; Кормилицына, 2010; Ваулина, Пробст 2012; Рацибурская, 2016] и др.). При этом эмпирической базой преимущественно становятся тексты современных газет и шире – медиатексты.

Методология и методика исследования. Теоретико-методологическую основу статьи составили научные труды российских и зарубежных ученых, исследующих проблемы языковой модальности (В. В. Виноградов, Ш. Балли, Г. А. Золотова, А. В. Бондарко, С. С. Ваулина, Г. П. Немец, Т. В. Шмелева, Л. П. Дронова, И. Р. Гальперин, Г. Я. Солганик, Т. В. Романова, З. Я. Тураева, Б. В. Хрычиков и другие). В соответствии со спецификой исторического материала основными методами стали традиционные методы наблюдения, обобщения и интерпретации языковых фактов на основе сравнительно-сопоставительного, лексико-семантического, в том числе компонентного анализа.

Материалом для рассмотрения категории модальности в коммуникативно-прагматическом аспекте стали тексты первой печатной отечественной газеты «Ведомости» времени Петра Великого, примеры из которой служат фактической основой для наблюдений и некоторых выводов. Примеры приводятся по изданию «Ведомости времени Петра Великого». Выпуск первый [Ведомости, 1903]. В примерах используется упрощенная графика: буквы греческого алфавита кси, пси, фита, омега, ук, а также старославянские буквы ять, юс малый, юс большой передаются буквами современного русского алфавита.

Прокомментируем ряд примеров, не претендуя на исчерпывающее представление модальных смыслов газетного текста, но тем не менее стараясь увидеть отражение сложных модальных отношений, во многом определенных авторской позицией и коммуникативной задачей.

Анализ материала. Целевая установка авторов газетных текстов по сообщению читателям информации о событиях и фактах внеязыковой действительности довольно прозрачно выявляется в первом отечественном периодическом издании. Решение

этой задачи закономерно закрепляет в качестве структурно-содержательной основы газетного текста объективную модальность, типичные средства выражения фиксируют «положение дел» с точки зрения его реальности / ирреальности.

Но в текстах, которые послужили материалом для наших наблюдений, не менее важной, как уже отмечалось выше, является и коммуникативная задача формирования мировоззренческой позиции по поводу описываемых фактов и событий – в частности, и политики государства, в том числе реформ и достижений – в целом. Это определяет использование в газетном тексте периода возникновения и становления отечественной периодики модальных средств из сфер ситуативной модальности, конкретизирующей «положение дел» в аспектах его возможности, необходимости, желательности, и субъективной модальности, позволяющей влиять на формирование точки зрения на действительность за счет выражения авторской если не открытой позиции, то по крайней мере намерения, отношения к сообщаемому.

При этом в сферу репрезентации модальных значений и их оттенков, в частности, и субъективно-авторского отношения в текстах газеты попадают не только традиционные модальные средства, но и, например, контекст, композиция и структура газетного текста, способы введения новой (новостной) информации и др. (см. об этом подробнее: [Кукса, 2019; 2021]).

В этом смысле прежде всего интересны те языковые факты, которые довольно ярко выражают взаимодействие двух важных модальных пластов – объективной и субъективной модальности в тексте первопечатной отечественной газеты. Подобное взаимодействие и взаимопроникновение модальных пластов со всей очевидностью обнаруживается в определенных коммуникативно обусловленных ситуациях. Не претендуя в рамках статьи на полномасштабный анализ всех ситуаций, обозначим самые явные, основные.

Ситуация 1. Сообщение об уже произошедшем либо происходящем в момент создания новости факте (явлении, событии, действии) со ссылкой на источник информации. В этой коммуникативной ситуации автор газетного текста решает комплексную задачу: 1) выстроить событийный ряд, сообщить информацию фактографического характера, то есть проинформировать читателей о состоявшемся факте / событии, используя весь основной арсенал средств объективной модальности – грамматическую категорию наклонения, отбирая для новости глаголы изъявительного наклонения настоящего или прошедшего времени; 2) дополнить информацию собственными оценками, в том числе указанием на источник, чтобы вызвать соответствующую реакцию читателя.

Как известно, самым частотным способом введения новостной информации в период зарождения и становления периодической печати была хрестоматийно известная формула *Из (обозначение локации, даты) пишут*, например: *Из Курасова подлинно **пишут**, что караван французский /…/ разорен; Из Сибири **пишут**, в китайском государстве иезуитов велми не стали любить за их лукавство; Изо Львова **пишут**, что казаки белую церковь взяли; Из волоской земли **пишут**, что крымские татары пошли на буджак; Из Варшавы **пишут**, что князь казацкий пойман.* и мн. др.

Такие нейтральные конструкции без обозначения источника информации – самые типичные в исследуемом материале, и модальный рисунок в них формируют в основном средства выражения объективной модальности.

В такой же функции передачи сообщения, информирования о факте, явлении действительности в «Ведомостях» употребляются и конструкции с другими глаголами лексико-семантической группы глаголов речемыслительной деятельности, основная (прямая) коммуникативная задача которых – обозначать определенный процесс речевой деятельности по передаче / сообщению информации в устной или письменной форме. Вместе с тем в газетном тексте в соответствии с авторской интенцией глаголы этой группы с достаточно прозрачной семантикой оказываются вовлеченными в реализацию целого спектра модальных оттенков.

Наиболее частотными в текстах первопечатной отечественной газеты, наряду с глаголом *писать*, как показали наши наблюдения, являются глаголы с обобщенно-абстрактной семантикой, типа *говорят, сказывают*. Конструкции с такими глаголами формируют коммуникативную ситуацию с неопределенным источником информации, почти на уровне слухов: ***Говорят**, что 7 тысяч или 8 тысяч человек в Полшу из Сазонской земли идут; **Говорят,** что Сапега свескую сторону покинул; **Сказывают** здесь, что множество людей собирают напротив тиранства казацкого; **Сказывают**, что в Торуне недостаток великий есть хлебных запасов и дров; И **сказывают**, что и адмирал со иными кораблями в Тесел пришел.*

В ряде примеров автор прямо обозначает в качестве источника информации слухи: *Отходе французския почты **молва учинилась**, что король французскии внезапу умер; **Молва носится**, что по взятию бона соединенные в лотрингскую землю пойдут, или под крепость намур; А **молва есть**, что бутто баварские около Инголштада збираются.*

Модальный потенциал подобных конструкций во многом определяется семантикой ключевых существительных: ***молва** – говор, слух, наслух, намолчка, слава, народные толки или ходячие вести* [Даль, 1998–2000, Т. 2, с. 340]; соответственно, ссылка на молву и слухи означает авторское предупреждение о недостоверности информации.

Важно, что при этом автор честно и открыто информирует читателя по крайней мере о «неофициальности» источника, об отсутствии проверки, «доказательной базы» сообщаемого читателю (по сути, того, что в современной медиареальности получило название факт-чекинг), чтобы как минимум обозначить недостоверность информации, которая представляется значимой, но не нашедшей подтверждения.

В других случаях автор использует лексемы *ведомость* / *ведомо* в значении *ведомость* и конструкции по модели «существительное + инфинитив»: ***Ведомость носится**, что сазонцы замок тикотин договором взяли; **Подлинная** из коронного войска **есть ведомость**, что коронной полководец <…> в Люблин пришел; Из Тесела **ведомо чинят**, что от сильной бури, и ветра на море, великий убыток учинился; Из руской земли **подлинно ведомо чинят**, что тамошния воеводства в Вишнице присягли за веру, за царя и за вольность стоять; Сего часа **ведомость пришла**, что французам их великое намерение не удалось.*

При этом основное значение лексемы ***ведомость от ведать****: знать, иметь о чем сведение, весть, ведомость, знание* [Даль, 1998–2000, Т. 1, с. 161] способствует реализации авторской задачи по сообщению об определенном «положении дел».

В других случаях автор газетной информации прямо называет ее источник: например, военные новости приходили непосредственно от участников или очевидцев событий, тогда в качестве источников выступают военачальники, дипломаты, послы, пленные, перебежчики, гонцы и др., например: ***Маркграф Филипп*** *из обоза от нижней Рены приехал и возвестил…;* ***Нарочной гонец от курфюрста*** *пригнал в город Дюсельдорф с вестьми;* ***Перебещики из Торуня*** *возвещают…;* ***Генерал Нумерс*** *суды писал, что…* и др.

В этих и подобных примерах статус источника информации становится определяющим при реализации субъективно-модальных смыслов: чем он официальнее, тем информация достовернее, и наоборот.

Реже, но встречаются ситуации, когда коммуникативные роли автора газетного текста и источника информации, очевидца и / или участника событий совпадают, при этом номинация факта / действия косвенно сопрягается со значением абсолютной достоверности, поскольку сообщает о произошедшем / происходящем очевидец: *Третьего дня полковник фон Тренк прибыл к здешнему городу с корпусом пандуров, а понеже* ***мы*** *сдаться не хотели, то начал он по нас производить пушечную стрельбу; И съ тою всерадостною ведомостью прибыли* ***мы*** *в санктпитербурхъ сего сентября 4-го дня.*

В связи с этим согласимся с мнением А. И. Тощева о том, что некоторые информационные заметки в «Ведомостях» «тяготеют к событийному репортажу – в них дается зримая картинка: например, о действиях русской армии повествуется в третьем лице, но обязательно с местоимением *наш*: “*Наши переправились*”, “*наши разбили”*» и т. д. [Тощев, 1989, с. 191]. Более того, на самом деле такой «эффект включенности» и коммуникативно-тактический прием «свидетельство очевидца» формируют типичные жанровые характеристики журналистского репортажа.

Иногда степень достоверности газетной информации повышается путем использования автором форм глагола *подтвердить* чаще всего в неопределенно-личной форме 3 лица настоящего времени, даже если в тексте отсутствует указание на источник подтверждения: ***Подтверждают****, что король гишпанский 24 числа от Дюсельдорфа суды поднятися хочет; Что Немиров взят, и граждане и крестьяне замок взяти помогли, то* ***подтверждается***. Такое «повышение» достоверности обусловлено прозрачной семантикой глагола: ***подтверждать, подтвердить что****, утвердить, укрепить потверже; но более удостоверять, свидетельствовать в истине чего, заверить* [Даль, 1998–2000, Т. 3, с. 172].

Конструкции с глаголами *возвещать, объявлять* в силу общего компонента основного значения *извещать, давать знать* уже не содержат компонента недостоверности / неуверенности: *из Аузбурха грамотки* ***возвещают****, что французы с баварцами соединились; Письма* ***возвещают****, что некий великий господин заключен в сазонскую землю <…>; Из Англии полонные офицеры отпущенные* ***возвещают****, что парламент королеву переговорил, войну против Францыи продолжати, общая колико денег к воинскому уготовлению потребно оучреждати; Мариенбурские*

письма ***объявляют****, что <…> положено не так, как Литва хотела.* Ср.: ***возвещать*** *– извещать, уведомлять, объявлять, подавать весть, давать знать;* ***объявлять*** *– объявить что или о чем кому; делать явным <…>; извещать или обвещать (повещать, оповещать), давать знать; оглашать что, обнародовать, публиковать* [Даль, 1998–2000, Т. 1, с. 229; Т. 2, с. 618].

При решении задачи сообщения важной истинной информации автор газетного текста иногда прямо подчеркивает это: *И* ***неложно*** *донося взятые их языки, что принесено им неприятелямъ убытку во восем тысяч три ста, или четыре ста ефимков; И ныне* ***подлинно*** *ведомость получена: что они воры убийцы многие, и главнейший его товарищ вор Степка Драной во многом своем собрании убит, и единомышленников их не малое число побито; А потом тако получили* ***подлинную*** *ведомость: что король шведской с полками на сикурс спешит, и что в Будищах неприятель силно стоит.*

Еще одним маркером авторского интереса и авторской же оценки по отношению к описываемым фактам / событиям в рассматриваемых газетных текстах является наличие в них модально-оценочной лексики в пределах шкалы «хороший / плохой», в частности, качественных прилагательных *добрый*, *худой*, *радостный, великий*, *плохой* и др. С их помощью автор передает собственные как положительные, так и отрицательные эмоционально-экспрессивные реакции на описываемые им события, таким образом на значения объективной модальности (квалификация действия и окружающей реальности) наслаивается субъективная авторская эмоционально-оценочная характеристика описываемых событий: *Третево дни после обеда опят назад сюды приехалъ … Оранкендала* ***плохои*** *указ с собою привез…; …Его Царское Величество, вышеупомянутое тезоименитства своего торжество, съ карабелным и гребным флотами при Ангуте с* ***доброю*** *церемониею и веселием отправил; Получили мы две* ***радостные*** *ведомости об* ***изрядной*** *над неприятелем победе; Сии две ведомости суть* ***великои*** *важности*.

С помощью эмоционально-оценочной лексики автор отдельно акцентирует читательское внимание на «качестве» новости и ее особой значимости. Довольно прозрачная субъективно-авторская оценка и событий, и сообщаемых новостей становится реализацией коммуникативной цели автора: даже в новостях не только информировать читателя, но и влиять на отношение к действительности.

Нередко автор газетного текста решает задачу сообщения достоверных сведений путем опровержения ранее бытовавших слухов: ***Молва была****, бутто турки войну зачали, того ради майор Фрейденфельд послан к рубежу доведатися, который сего дня пришелъ,* ***возвестя, что неприятеля нет****; …до сего* ***молва была****, что гишпанский народ королю Филиппу весма пристал,* ***однако*** *тайные грамотки* ***инако возвещают****;* ***Носилася молва****, бутто свейский генералъ Штейнбокъ побит, и генерал Млеор пленен, но* ***солгано****.* ***Подлинные вести*** *есть, что именованной генералъ Штейнбокъ какъ приближился ко крепости Замостью для прохождения коронного войска, от того места отступилъ.*

Опровержения при этом базируются на конкретных фактах (например, данные разведки), а также подчеркиваются лексемами, содержащими сему достоверности

(*подлинные*), или имеющими прямое основное значение, связанное с квалификацией информации как ложной (*солгано*).

Таким образом, в пространстве газетного текста, в котором все подчинено решению коммуникативных задач, в сферу формирования смысловых модальных оттенков вовлекаются не только типичные традиционные средства.

Ситуация 2. Сообщение о факте (явлении, событии, действии), отнесенном к плану будущего. Анонимный (безымянный) на тот момент автор газетного текста решает задачу проинформировать читателей о действии / событии, которое еще только произойдет. Конструкции с глагольными формами будущего времени при сообщении новостей в текстах «Ведомостей» менее частотны, однако более интересны с точки зрения квалификации модальных смыслов, поскольку их выражение во многом определяется коммуникативно-прагматической задачей автора представить факт, явление, событие действительности не только с точки зрения временной отнесенности к плану будущего, но и с точки зрения иных содержательных характеристик, например, значимости, пользы, необходимости того или иного действия / события / явления; достоверности сообщаемой информации, эмоциональной оценки и т. д.

При этом мало того, что грамматическое значение будущего времени само по себе носит прогностически-гипотетический характер, но порой модальная картина еще более усложняется за счет использования вводных слов, словосочетаний, глаголов со значением уверенности / неуверенности и др. типичных средств выражения субъективной модальности, что становится маркером авторского «присутствия» в тексте новости.

В текстах первой печатной отечественной газеты отражены две полярные смысловые градации модального значения уверенности / неуверенности автора в предполагаемых событиях, в качестве индикаторов при этом используются вводные слова и словосочетания с соответствующим значением:

- относительно низкая степень уверенности автора в том, что событие произойдет: *Литовская речь посполитая* ***может быть*** *что с московскимъ государемъ* ***станетъ держатся;*** *…наше мещанство* ***можетъ быть соберется для*** *учинения своихъ въ томъ протестаціи; И такожде* ***видимо*** *что обещанию шведскую помощь для снесения казаков не приняла, но паче от московского посла обещанию помочь* ***принять склонится****; Дацкая шквадра въ море пошла,* ***можетъ быть****, что вскоре и о* ***морском бою услышимъ****;*
- высокая степень уверенности автора в том, что событие произойдет: *А от мира не ино что, токмо сие единое помешание, что король польский,* ***конечно, хочет*** *Москву в мире* ***совокупити****; Однако ж иные статьи положены, которыми литовские* ***конечно недовольны будут****; А под Торунем* ***конечно все тихо будет***.

Такие типичные средства выражения уверенности / неуверенности позволяют автору как специально подчеркнуть гипотетичность номинируемого будущего события (факта, действия), так и сформировать убежденность читателя в том, что событие все же произойдет, настолько оно важно и необходимо.

Номенклатура средств выражения модальных значений уверенности / неуверенности на этапе становления отечественной газетной периодики еще

ограничена, наиболее частотными являются вводное слово «*конечно*» и вводное словосочетание «*может быть*», как в вышеприведенных примерах.

Помимо типовых средств выражения модального значения уверенности похожую функцию могут выполнять несобственно-модальные глаголы, в семантике которых обнаруживает себя компонент «надежда»: *надеяться, уповать, чаять*[1]. Чаще всего данные глаголы употребляются авторами газетных текстов в главной части сложноподчиненных конструкций с изъяснительными придаточными: *…осадники **чают**, что вскоре городок сдаче **принудят**; Ныне **чают**, соединенное войско по взятии города бона **пойдет** под трарбух; …того ради **надеются**, что то французское соединение с баварскими, немного шкоды **учинят**.*

Такая субъективно-модальная тональность усиливается, если перечисленные глаголы употребляются в форме первого лица преимущественно множественного числа, что создает ощущение включенности самого автора в ожидание свершения отнесенного к плану будущего номинируемого им события: *Но **надеемся**, что короля полского фельтмаршалк Стейнау с коронным и литовским войском, которое уже подлинно соединилось, шведам **помешает** привоз тех пушек из Стетина под Торунь; Однако ж **чаем**, что он заслуженного наказания не уйдет.*

В других случаях значение достаточно высокой степени уверенности в том, что номинируемое действие совершится, обозначается с помощью сочетаний «несобственно модальный модификатор *приуготовляться*, *радеть, готов* и др. + инфинитив», семантика которых актуализирует интенсивность ожидания и прогнозируемость выполнения предполагаемого действия: *…И **радеет** король полский союз с москвою **совершить**; …И **верно**, что соединенные **радеют** мирное дело к ползе речи посполитой **совершить**; …Лесные стрелки и полевые охотники **готовы** стоять, чтоб всем силам неприятельским отпор **учинить**.*

Конструкции с глаголом *обнадеживать* и функционально близкие им сочетания «глагол речевой деятельности + существительное *обнадеживание*» по типу *Московский посол обнадеживает, что…* демонстрируют еще более сложный модальный рисунок. Выполняя основную функцию передачи сообщения, этот глагол в силу своего основного значения «*заставить надеяться, обещать или заставить верить во что будущее, уверять*» (ср.: *обнадеживать – обнадежить или обнадеимать, обнадеи(я)ть кого, чем, в чем; дать надежду, заставить надеяться, обещать или заставить верить во что будущее, уверять успокоительно* [Даль, 1998–2000, Т. 2, с. 639]) выражает еще и авторскую позицию по квалификации предполагаемого события как желательного, нужного, участвуя тем самым в реализации оттенков ситуативной модальности желательности.

Интересны пока еще немногочисленные попытки описать факты / события, отнесенные к плану будущего, с разных точек зрения, например: *Единомышленники в великой Польше неколико кратъ с королем свейским договаривалися, **иные говорят**, что с шведами соединитися хотяъ, **иные сказывают**, что токмо к миротворению помогать хотят;* иногда же автор предлагает адресату подождать подтверждения сообщаемому: *О свейском короле различные речи доносятся, **иные***

[1] Глагол *чаять* (др.-русск. ***чаяти***), в частности, зафиксирован в этимологических и толковых словарях со значением «ожидать, надеяться» (Сл. Преображенского, Сл. Срезневского).

пишут**, что жив, **а иные утверждают**, что умер, однако он по се время людям не кажется, а **подлинно** о нем **будущая ведомость укажет.

Результаты исследования. Исследуемый языковой материал показывает, что общая модальная картина первой печатной отечественной газеты «Ведомости времени Петра Великого» ожидаемо складывается из содержательного фундамента, представленного объективной модальностью, которая нелинейно, но функционально-содержательно переплетается с модальностью субъективной. При этом взаимоотношения объективной и субъективной модальности в газетном тексте характеризуется не линейностью, а многомерностью и не исчерпываются лишь принципом дополнительности.

Выражение субъективно-модальных смыслов базируется на намерении автора представить информацию о фактах, явлениях, событиях не только с позиции реальности и времени (было, есть или будет), но и с позиций значимости, пользы, достоверности и так далее, что, в свою очередь, коррелирует с теми социополитическими задачами, которые ставил перед печатным изданием его инициатор и основатель.

В том числе и поэтому репрезентация субъективной модальности в газетных текстах не менее значима, чем объективной и ситуативной. Более того, выражение авторской интенции, намерения, отношения к сообщаемому выявляется с очевидной регулярностью, и это дает основание скорректировать традиционное мнение о факультативности и дополнительности субъективной модальности по отношению к объективной, во всяком случае применительно к газетному дискурсу.

Выводы. Таким образом, подводя итоги наблюдениям над текстами первопечатной отечественной газеты, подчеркнем, что уже на ранних этапах становления отечественной газетной периодики важным является не только представление обществу объективной фактической информации, но и формирование отношения к действительности, мировоззренческой позиции, что обеспечивается в том числе использованием разноуровневых модальных средств.

Такая комплексная целевая установка воспроизводится в текстах более поздних периодов развития газетной периодики, демонстрируя историческую коммуникативную преемственность. В свою очередь, подобная целевая установка определяет модальную картину газетных текстов, когда субъективная модальность становится не просто смысловым дополнением к объективной, но и не менее функционально и коммуникативно важной.

Литература

Валгина, Н. С. (2003). *Теория текста: учебное пособие*. Москва: Логос.

Ваулина, С. С., & Пробст, Н. А. (2012). Коммуникативная функция вопросительно-побудительной модальности в газетном дискурсе. *Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч. 1* (с. 203–209). Калининград: БФУ им. И. Канта.

Ваулина, С. С., Кукса, И. Ю., Пробст, Н. А., Ткаченко, А. И., & Черняков, А. Н. (2018). *Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка: монография.* Калининград: БФУ им. И. Канта.

Ваулина, С. С. (2013). Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филологические науки, 8,* 7–12.

Ведомости Петра Великого (1903)*: в память 200-летия первой русской газеты*: *в 2 вып. Вып. 1*: *1703–1707 гг.* Москва: Моск. синод. тип.

Даль, В. И. (1998–2000). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т*. Москва: Цитадель.

Демидова, И. А. (2005). *Средства выражения побудительной модальности в русском и английском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Калининград: БФУ им. И. Канта

Есин, Б. И. (1971). *Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг.: краткий очерк*. Москва: Издательство Московского университета.

Клушина, Н. И. (2008). *Стилистика публицистического текста*. Москва: Медиа-Мир.

Кормилицына, М. А. (2010). Субъективная модальность в аналитических текстах современной прессы. *Модальность как семантическая универсалия*: сборник научных трудов: посвящается юбилею профессора С.С. Ваулиной (с. 217–223). Калининград: БФУ им. И. Канта.

Кукса, И. Ю. (2019). Коммуникативная специфика первой отечественной печатной газеты «Ведомости Петра Великого». *Научный диалог, 8*, 135–148. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-135-148

Кукса, И. Ю. (2021). Модально-коммуникативная специфика первопечатной газеты «Ведомости времени Петра Великого». *Модальность. Коммуникация. Текст: сборник научных трудов международной научной конференции, Калининград, 29–30 сентября 2020 г.* (с. 158–166). Калининград: БФУ им. И. Канта.

Подгорелов, В. (1903). Предисловие. *Ведомости Петра Великого (1903): в память 200-летия первой русской газеты*: *в 2 вып. Вып. 1: 1703–1707 гг.* (с. I–VIII). Москва: Моск. синод. тип.

Рацибурская, Л. В. (2016). Процесс субъективизации и способы его нейтрализации в современном медиатексте. *Вестник электронных и печатных СМИ, 1*(24), 75–85.

References

Dahl, V. I. (1998-2000). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes*. Moscow: Citadel Publ. (In Russian)

Demidova, I. A. (2005). *Means of expressing motivational modality in Russian and English: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philology*. Kaliningrad: BFU named after I. Kant Publ. (In Russian)

Klushina, N. I. (2008). *The style of the journalistic text*. Moscow: Media-Mir Publ. (In Russian)

Kormilitsyna, M. A. (2010). Subjective modality in the analytical texts of the modern press. *Modality as a semantic universal: collection of scientific papers: dedicated to the anniversary of Professor S. S. Vaulina* (pp. 217–223). Kaliningrad: BFU named after I. Kant Publ. (In Russian)

Kuksa, I. Y. (2019). The communicative specifics of the first Russian printed newspaper “Peter the Great's Vedomosti”. *Scientific Dialogue*, *8*, 135–148. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-135-148 (In Russian)

Kuksa, I. Y. (2021). Modal and communicative specifics of the first printed newspaper “Peter the Great's Vedomosti”. *Modality. Communication. Text: Proceedings of the International Scientific Conference, Kaliningrad, 2020, September 29–30* (pp. 158–166). Kaliningrad: BFU named after I. Kant Publ. (In Russian).

Peter the Great's Vedomosti (1903): *in memory of the 200th anniversary of the first Russian newspaper: in 2 vols. Vol. 1: 1703–1707*. Moscow: Moscow. synod. type Publ. (In Russian)

Podhorelov, V. (1903). The preface. *Peter the Great's Vedomosti: in memory of the 200th anniversary of the first Russian newspaper: in 2 vols. Vol. 1: 1703–1707* (pp. I–VIII). Moscow: Moscow. synod. Type Publ. (In Russian)

Ratsiburskaya, L. V. (2016). The process of subjectivization and the ways of its neutralization in the modern media text. *Bulletin of Electronic and Print Media*, *1*(24), 75–85. (In Russian)

Solganik, G. Ya. (2010). *Essays on modal syntax*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Toshchev, A. I. (1989). Petrovsky “Vedomosti” as a type of publication. *XVIII century: collection of articles and materials. Collection 16: Results and problems of studying Russian literature of the XVIII century* (pp. 184–199). Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)

Valgina, N. S. (2003). *Text theory: a textbook*. Moscow: Logos Publ. (In Russian).

Vaulina, S. S. (2013). Modality as a communicative category: some controversial aspects of the study. *Vestnik of the Baltic Federal University named after I. Kant. Philological Sciences, 8*, 7–12. (In Russian)

Vaulina, S. S., & Probst, N. A. (2012). The communicative function of the interrogative-motivational modality in newspaper discourse. *Communication as a subject of interdisciplinary research: a collection of scientific papers: in 2 parts. Part 1* (pp. 203–209). Kaliningrad: BFU named after I. Kant Publ. (In Russian)

Солганик, Г. Я. (2010). *Очерки модального синтаксиса.* Москва: Флинта.

Тощев, А. И. (1989). Петровские «Ведомости» как тип издания*. XVIII век: сборник статей и материалов. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века* (с. 184–199). Ленинград: Наука.

Vaulina, S. S., Kuksa, I. Yu., Probst, N. A., Tkachenko, A. I., & Chernyakov, A. N. (2018). *The communicative potential of modality in the diachrony and synchrony of the Russian language: a monograph*. Kaliningrad: BFU named after I. Kant Publ. (In Russian)

Yesin, B. I. (1971). *A Russian pre-revolutionary newspaper. 1702–1917: a brief sketch*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russian)

Для цитирования:

Кукса, И. Ю. (2026). Модальность в текстах газеты «Ведомости» времени Петра Великого: коммуникативно-прагматический аспект. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, *1*(19), 47–59. https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-47-59

For citation:

Kuksa, I. Yu. (2026). Peter the Great Era “Vedomosti” newspaper modality: communicative-pragmatic aspect. *VERBA. North-West linguistic journal, 1*(19), 47–59. https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-47-59 (In Russian).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.